

Ширман Григорий

Череп

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Г83

Г83 **Григорий Ш.**
Череп / Ширман Григорий – М.: Книга по Требованию, 2024. – 186 с.

ISBN 978-5-521-31219-1

ISBN 978-5-521-31219-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧЕРЕП

Чем нынче потчуеть, веселый бес?
Косматой брагой, черной брагой потчуй.
Над миром блещут розовые очи
И запрещенный путь богинь белес.

Над миром мчится Лев и Геркулес,
Свой лук Стрелец направил в образ Отчий,
И надо мной иной могучий зодчий
И праздное могущество небес.

Пресна земля, а сердце просит соли.
Кто даст,—классическое колесо ли
Судьбы стремительной иль новый том

Сверкнет кристаллом радости колючей?..
Поэзия в разрыве золотом,
В благополучном неблагополучьи.

Хвалите, песни, отдых вождеденный,
Который я в конце концов снискал,
Да тяжелеет бражный мой бокал,
Как череп завоеванной вселенной.

Как лось Герцинский, я не гнул колена,
Я сторожил как гриф пустыню скал,
И я в ущельи плакал как шакал,
Следя за похищением Елены.

Иных времен распластался прилив,
Но мускулы крутые закалил,
Я разрываю траурную бурю.

Смеюсь на торжестве я похорон,
Строками золотыми каламбурю,
Рукоплескания со всех сторон.

Разбросаны вы, пестрые слова,
Как валуны в тысячелетнем поле,
Народы ваши кости раскололи,
Одела вас белесая трава

Среди долин земных, средь их раздолий
Как ветер древняя плывет молва,
Что в горных сферах жили вы сперва,
И глетчеры вас вырвали без боли.

И время голубое напролет
Без усталы точил вас жаркий лед,
И мягкая вода вас целовала,

Теперь настал моей стихии срок,
Из ваших ребер строю стены строк,
И слышу в них я шум былого вала.

Как долгие мгновенья боли, вы,
Зачатки слов, блуждающие в крови,
Задумчивей глаза и взор суровой
От вашей неродившейся молвы.

Я в тишину зеленую травы
Расту с багряным криком наготове,
Я солнце пью как исцеленный Товий,
Я пью звезду как древние волхвы.

Будь трижды свято, грешное творенье,
Тебе дары несу волхвов смиренней,
Еще за мной не тянется толпа,

Но блещет надо мною пламень трубный,
И слышу я пустые черепа,
Веселые и голые как бубны.

Листами черными сухих ночей
Задумчивые годы облетают,
Крикливых звезд испуганную стаю
Ты ловишь с каждым августом звончей.

Над нами киснет млечный наш ручей,
А там другие млечности блистают...
Беда, беда, пространства не хватает
И мало времени и мир ничей.

Поет под пальцем бледная бумага,
Я опьянен прозорливостью мага,
Из древних слов я делаю змею.

И все за то, что не хочу истлеть я,
И медленно сквозь голову мою
Проходят как туман тысячелетья.

Величьем наливаются слова,
Я слушаю как тяжелеют строки,
То золотые наступают сроки,
И августом сияет голова.

Так сине надо мной, внизу трава
Подстрижена, репейник невысокий
Да русские папирусы—осоки,
Чья грусть зеленая всегда нова.

У нас теперь крепчать начнут закаты,
Восходы будут медленны, покаты,
Гречихой снега зацветут поля,

И белые распустятся метели,
Чтобы пространство черное сверля
Как жаворонки звезды к нам летели.

В густую ночь уходят наши дни.
Ты, бытие, жестокая стихия,
Тебе слагаю темные стихи я,
Первичной тьме душа моя сродни.

Средь звездных искр, средь хрусткой их возни
Змеинные узоры парчевые,
На их шелках торжественно почия,
Ты черными крылами, песнь, звени.

Я лазаю по дереву вселенной,
Хочу в твоём гнезде язык священный
Для глиняной земли моей украсть.

Я не боюсь тебя, о гнев господний,
Готовь мне за возвышенную страсть
Косматые колонны преисподней.

Земля сыра, пропитан берег влагой,
И любят жир воды овес и рис,
Шуршат хлеба шелками светлых риз
И просят гроз у матери всеблагой.

Зеленой тьмой закутан кипарис,
Он молится волне Архипелага,
А где-нибудь в песках хрипит бродяга,
Он кожаный мешок пустой разгрыз.

Материки кипят, и вержут океаны
Стихии рыжей кипень окаянный,
И плещется полярная звезда,

И мозг поэтов с'ежен, чтоб ужалить,
И всюду мудро прогрызает наледь
Текучая душа земли—вода.